

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ ХРИСТО БОТЕВА

Л. Валев

В конце XVIII и первой половине XIX в. находившиеся под турецкой властью болгарские области подверглись влиянию новых экономических процессов. С конца XVIII в. в Турции усиливается процесс разложения феодализма. Происходит постепенный переход от феодальных форм землевладения к капиталистическим. Начинает развиваться мануфактура, появляется торгово-промышленный класс.

В Болгарии этот процесс приводит к возникновению городов с развитым ремеслом и торговлей. В тот период особенно развивается мануфактурное производство городов, расположенных вдоль склонов Балканского хребта. Этому способствовали наличие свободных рабочих рук в связи с недостатком удобных для обработки земель, возможность использования энергии горных потоков, льготы, которыми пользовалась часть жителей горных районов, и хорошие условия для сбыта продукции в пределах Турецкой империи. Большой толчок для своего развития болгарское ремесло и мануфактурная промышленность получают в связи с организацией во второй четверти XIX в. турецкой регулярной армии, потребовавшей большого количества одежды, обуви и других товаров, изготовлявшихся болгарскими ремесленниками и кустарями, особенно же во время Крымской войны, когда увеличились поставки для турецкой армии.

Однако после Крымской войны начался упадок ремесла в Болгарии. Парижский договор 1856 г. открыл границы Турецкой империи для капиталистических стран Западной Европы, которые стали наводнять Болгарию своими дешёвыми товарами, подрывая её ремесленное производство. Это вызвало существенные изменения в экономике Болгарии. Капитал из ремесла и

мануфактуры всё более устремлялся в торговлю. Возникло множество торговых фирм и компаний, концентрировавшихся главным образом в придунайских городах. Развивающиеся внешнеторговые связи характеризуются вывозом из страны главным образом продовольствия и сельскохозяйственного сырья и ввозом преимущественно промышленных товаров. Болгарская буржуазия добивается существенных успехов в развитии этих связей, расширяя одновременно свою торговлю в пределах самой Турецкой империи, чему благоприятствовало отсутствие на всей её обширной территории таможенных перегородок. В середине XIX в. болгарские ремесленники и купцы уже имели в самом Константинополе свою колонию. К тому времени у них были подобные же колонии в Одессе, Бухаресте, Браиле, Галаце и других городах за пределами Турецкой империи, преимущественно в Румынии.

Одновременно с обогащением болгарской буржуазии происходил процесс обнищания болгарских ремесленников и крестьянства. Десятинный налог и всевозможные повинности наряду с бесконтрольным произволом представителей турецкой власти и болгарских чорбаджиев¹ разоряли крестьян.

Укрепление экономических позиций нарождавшейся болгарской буржуазии сопровождалось ростом её национального самосознания. Под её руководством в 30—40-х годах XIX в. началось культурное возрождение болгарского народа. За короткий период страна покрылась сетью бол-

¹ Чорбаджи — крупные болгарские феодалы-землевладельцы, отдававшие свою землю на исполницу или нанимавшие батраков, ростовщики, богатеи.

гарских школ. В 1835 г. на средства Априлова и Палаузова—двух болгарских торговцев из Одессы—в городе Габрово открылась первая болгарская школа. Через 40 лет, в год гибели Ботева (1876), имелась уже 1471 болгарская школа. В 1824 г. издаётся первый букварь на болгарском языке—так называемый «Рыбный букварь» Берона. До 1877 г. было издано около 450 болгарских учебников. В 1846 г. вышла первая болгарская газета — «Български орел» Богорова. В период общественно-политической деятельности Ботева издавалось уже более десяти болгарских газет.

По мере роста национального самосознания в болгарском народе всё более крепла идея национальной независимости. Выдвинутое молодой болгарской буржуазией требование национального самоопределения было подхвачено широкими слоями болгарского народа.

В своей борьбе за национальную независимость болгарская буржуазия, ремесленники и крестьяне встречали сопротивление не только со стороны турецких порабителителей, но и со стороны господствовавшего алчного и чуждого болгарскому народу греческого духовенства, а также большей части болгарского чорбаджийства. На первых порах возглавлявшаяся болгарской буржуазией борьба за признание прав болгарской национальности приняла форму борьбы за церковную независимость. Борьба эта началась в 40-х годах и закончилась в 1870 г. созданием болгарского экзархата. Для болгарской буржуазии борьба за церковную независимость была борьбой за признание болгарской национальности и, разумеется, за признание её самой руководителем и представителем этой национальности. «Для тогдашней нашей буржуазии, которая была наиболее заинтересована в этой борьбе,—пишет пионер научного социализма в Болгарии Димитр Благоев,—самым важным являлось признание болгарской национальности в качестве отдельной единицы. Большого она на первых порах не требовала»².

С созданием экзархата, представлявшего интересы наиболее богатой части болгарской буржуазии и постепенно сливавшегося с ней чорбаджийства, основная цель этой части буржуазии была достигнута. В политических взглядах крупной буржуазии происходит заметная эволюция. Её былая решительность и «радикализм» исчезают и заменяются верноподданническими ходатайствами и просьбами. Её пожелания не идут дальше требования дуализма в составе Турецкой империи.

Однако в то время как болгарская буржуазия под флагом борьбы за национальное возрождение Болгарии готовилась провозгласить султана «болгарским царём», чтобы избавиться от произвола турецких чиновников и экономической конкуренции богатого греческого духовенства, обеспечив одновременно за собой обширный рынок

Турецкой империи, — массы крестьян и городской бедноты стремились к полному освобождению от всякого гнёта. Из среды связанной с народом болгарской прогрессивной интеллигенции, проникнутой стремлениями его наиболее угнетённых слоёв — крестьянства, городской бедноты и мелкой буржуазии, — и вышли идеологи революционно-освободительной борьбы 60—70-х годов прошлого века в Болгарии. Они ставили своей целью разрешение не только национального, но и социального вопроса путём народной революции. К ним в первую очередь принадлежали Л. Каравелов, В. Левский и особенно Христо Ботев.

Ботев жил и развернул свою революционную деятельность в период самого высокого напряжения борьбы болгарского народа, стремившегося сбросить с себя оковы пятивекового турецкого ига. Для этого имелись уже все предпосылки: в болгарском народе возросло национальное самосознание. Турецкая империя переживала быстрый процесс экономического и политического разложения и то в одном, то в другом месте сотрясалась восстаниями порабощённых ею народов. На протяжении первой половины XIX в. на территории Болгарии происходил ряд восстаний, жестоко подавленных турецкими порабителителями. Ботев стал пламенным вдохновителем, организатором и идейным руководителем освободительной борьбы болгарских грядущих масс.

Христо Ботев родился 25 декабря 1847 г. в подбалканском городке Калофере, в семье известного в то время учителя Ботю Петкова, принимавшего активное участие в церковно-освободительном и просветительном движении. Ещё в Калофере молодой Христо был свидетелем антинародной деятельности болгарских чорбаджиев, всячески пресмыкавшихся перед турецкими порабителителями и угнетавших своих неимущих сограждан.

«Вряд ли найдётся город или село, где своеволие чорбаджиев развилось бы до такой степени, как в Калофере,—писал Ботев в 1871 г. в газете «Дума». — Там кроме мюджурки (управителя города.— Л. В.) и нескольких заптнев (жандармов) нет других турок, и всё зло, всё тиранство представлено самими чорбаджиями, которые являются агентами и сообщниками правительства»³.

По окончании калоферского трёхклассного училища, в 1863 г., Ботев был послан отцом в Одессу, где он поступил в 3-й класс гимназии. Период пребывания Ботева в России был временем широких общественно-политических движений, когда среди передовой русской интеллигенции и учащейся молодёжи господствовали революционно-демократические идеи Чернышевского и Добролюбова. Современник и соученик Ботева в Одессе Георгий Смилов в своих мемуарах вспоминает, что болгары-гимназисты организовали свою собствен-

² Благоевъ Д. «Приносъ къмъ историята на социализма въ България», стр. 19. Москва. 1944.

³ Христо Ботев. Съчинения. Под редакцията на Михаил Димитров. Т. III, стр. 317. София. 1945.

ную библиотеку, где наряду с сочинениями Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Гоголя имелись романы «Что делать?» Чернышевского и «Накануне» Тургенева, которые зачитывались до дыр. «Из наших рук, — пишет он, — не выходили сочинения Добролюбова, Писарева и других, идеями которых многие из нас, в том числе и Христо Ботев, сильно увлекались»⁴.

Товарищи Ботева по учению в своих воспоминаниях указывают на огромное влияние, оказанное на него романом Чернышевского «Что делать?» и, в частности, его героем Рахметовым, которому Ботев старался подражать во всём. Известное влияние оказывали на Ботева в этот период и высланные в Одессу после подавления польского восстания 1863 г. под надзор полиции поляки, с которыми он завязал знакомство.

Уйдя с головой в революционно-просветительную литературу, Ботев стал пренебрегать неудовлетворявшей его официальной наукой, преподававшейся в гимназии. Вскоре он совершенно прекратил посещение гимназии и в конце 1865 г. был исключён из неё. «Объясняя мне свой выход из гимназии, — писал о Ботеве тот же Георгий Смилов, — он резко критиковал её порядки, учебную систему, говорил о нетерпимом для него режиме, с возмущением говорил о своём впечатлении от практиковавшихся тогда в гимназии телесных наказаний и даже обрушивался на Пирогова «по Добролюбову», возмущаясь его частичным признанием необходимости подобного наказания»⁵.

Оставшись после ухода из гимназии без всяких средств к существованию, Ботев осенью 1866 г. начинает учительствовать в болгарском селе Задунаевке, в Бессарабии, где ведёт в подражание Рахметову суровый образ жизни.

Весной 1867 г. он возвращается в свой родной город. В Калофере Ботев посвящает себя агитационной работе и готовит молодёжь к вооружённому восстанию. «Он говорил, — пишет в своих воспоминаниях один из товарищей Ботева того периода, Стефан Хаджи Гендов, — что должно наступить освобождение, довольно уже тиранин, довольно туркам властвовать, турок спел свою песню. Говорил, что мы должны выходить на упражнения с ружьями, чтобы мы были готовы. Молодёжь слушала его со вниманием, и мы стали готовить»⁶.

Особенно решительно выступил Ботев 11 мая 1867 г. на торжественном официальном собрании в калоферском мужском училище, в день чествования памяти славянских просветителей Кирилла и Мефодия. Его резкая революционная речь навела

ужас на калоферских чорбаджиев, которые потребовали от отца Ботева его удаления из Калофера. В августе 1867 г. Ботев покинул навсегда родной город с намерением второй раз поехать в Россию, однако не доехав до русской границы, остался в Румынии, в среде революционной болгарской эмиграции.

Остановимся вкратце на обстановке среди болгарской эмиграции в Румынии, которую застал Христо Ботев по своём приезде туда.

Болгарская эмиграция в Румынии по своему социальному составу не была однородной. С одной стороны, это были богатые торговцы и промышленники, завязавшие деловые связи с иностранцами и занимавшиеся посреднической торговлей, с другой — разорившиеся ремесленники и обнищавшие крестьяне, прибывшие в Румынию в поисках заработка, и участники повстанческого движения, преследуемые турками. К концу 60-х годов среди болгарской эмиграции в Румынии образуются три основных политических группировки. Ещё в период Крымской войны богатые болгарские торговцы во главе с братьями Христо и Евлоги Георгиевыми создают в Бухаресте так называемый «Болгарский комитет», который в согласии с болгарскими торговцами в Одессе (Н. Палаузов, Тошкович и др.) выступает перед русскими властями в качестве политического представителя болгарского народа в надежде получить от них власть в освобождённой с помощью русского оружия Болгарии. В 1862 г. этот комитет был переименован в «Добродетельную дружину», называемую также «Комитетом старых». По существу, это была политическая организация болгарской крупной торгово-финансовой буржуазии. Расцвет деятельности «Добродетельной дружины» падает на 1866—1867 годы. Её органом стала газета «Отечество».

Второй, несколько более левой, но также умеренной по своим политическим взглядам организацией болгарской эмиграции являлся созданный в марте 1866 г. в Румынии при поддержке местных властей Болгарский центральный тайный комитет (ЦТК) во главе с Иваном Касабовым. 21 октября 1867 г. при поддержке болгарских торговцев из Одессы в Бухаресте начал издаваться орган комитета — газета «Народность», которая выходила вплоть до распада комитета в середине 1869 года.

Политическая программа комитета отражала интересы и стремления той части болгарской буржуазии, которая была связана с внутренним рынком Турецкой империи. Её идеалы не шли дальше требования дуализма. Правда, в отличие от «Добродетельной дружины», которая вначале выступала за создание дуалистического государства совместно с Сербией и под покровительством России заключила даже с этой целью в начале 1867 г. договор с сербским королевством и выработывала «программу политических отношений сербо-болгар (болгаро-сербов)», Центральный тайный комитет с самого начала выступал

⁴ См. Бурмов А. «Христо Ботев през погледа на съвременците си. Спомени, впечатления и изказвания на ботеви другари и съвременници», стр. 10. София. 1945.

⁵ Там же, стр. 10.

⁶ Там же, стр. 6.

за дуализм в составе Турецкой империи⁷. В составленном в том же 1867 г. меморандуме ЦТК выдвигает следующую программу: Болгария должна получить парламент и управителя, утверждаемого султаном и проживающего в пределах Турецкой империи, причём султан венчается в одной из древних столиц Болгарии её царём. Таким образом, ЦТК также не поднимал знамени борьбы за полное освобождение болгарского народа.

Третью группировку в болгарской эмиграции составляла мелкобуржуазная революционная группа, которую вначале, вплоть до своей смерти в 1867 г., возглавлял Георгий Раковский. Вокруг неё объединялись революционно настроенные слои разоряющейся мелкой буржуазии — крестьянства и ремесленников, — а также трудовая интеллигенция и прогрессивная, радикально настроенная часть средней буржуазии.

Неудачные попытки Раковского вызвать народное восстание путём вторжения чет убедили революционеров, что организовать всеобщее восстание можно лишь путём революционной работы в самой Болгарии, среди народа. С 1869 г. во главе болгарской революционной эмиграции встали известные болгарские революционеры Любен Каравелов и Василь Левский. По их инициативе в декабре того же года был создан Болгарский центральный революционный комитет (ЦРК), который ставил перед собой задачу помочь болгарскому народу завоевать свою свободу собственными силами. Органами Центрального революционного комитета стали выходившие под редакцией Каравелова газеты «Свобода» (1869—1873) и «Независимость» (1873—1874). ЦРК имел энергичных руководителей, замечательных агитаторов и организаторов. Самым выдающимся из них был Василь Левский. Благодаря его неутомимой энергии и ораторскому таланту к моменту его гибели (1873 г.) вся Болгария была покрыта сетью революционных комитетов (свыше 500).

После так называемой «Орханийской катастрофы»⁸, гибели Левского и преждевре-

⁷ Впрочем, всего год спустя руссофильски настроенные круги болгарской крупной буржуазии из «Добродетельной дружины» по этому вопросу тоже переходят на позиции дуализма в составе Османской империи, выдвигая при этом, однако, более реакционные, чем ЦТК, требования, в частности, учреждения сената. В телеграмме, посланной из Бухареста дипломатической конференции, созванной зимой 1868—1869 г. в Париже по поводу Критского вопроса, они выдвигают следующие требования: 1) автономия Болгарии с народной администрацией; 2) парламент из двух палат, т. е. с сенатом, выбранный общим голосованием, и 3) управитель (каймакам), выбранный парламентом и утверждённый султаном.

⁸ «Орханийская катастрофа» заключалась в неудачной попытке помощника Левского Димитрия Общего ограбить с целью получения средств для революционной работы орханийскую турецкую почту, на которую

менно начавшегося и неудачного Старо-Загорского восстания происходит известное замешательство и наступает некоторое уныние в рядах революционно настроенных эмигрантов, в частности, в рядах радикальной буржуазии. Отчаившийся Каравелов прекращает издание «Независимости» и отдаётся целиком литературно-просветительной работе.

«Колебания Каравелова ещё в бытность его революционером, — пишет современный болгарский историк и экономист Жак Натан, — выражают колебания и нерешительность класса либеральной буржуазии, которая колебалась между линией революционной плебейской массы и линией компромисса и постепенного развития. Первый более решительный удар, понесённый революционной организацией, решил и судьбу большей части буржуазии; она испугалась и отошла от революции и революционной борьбы. Каравелов своим переходом от революционных на просветительские позиции стал выразителем отхода этой богатой верхушки буржуазии от революции»⁹.

Такова общая политическая обстановка среди болгарской эмиграции, в которой протекает первый период публицистической и общественно-политической деятельности Христо Ботева (1867—1874).

Приехав в Румынию, Ботев вначале скитается из города в город, бедствует, часто меняет свои занятия. Он то наборщик типографии и учитель, то актёр в труппе Добри Войникова, студент, журналист. Всё это время он много читает, встречается с русскими революционерами, в том числе с Нечаевым, который произвёл на него большое впечатление, пишет свои пламенные стихи. За отсутствием другого подходящего органа Ботев использует на первых порах для пропаганды своих революционных идей юмористическую газету «Тъпан» («Барaban»), которая стала выходить в Бухаресте с 1 февраля 1869 г. под редакцией Ивана Мызлова. С 10 июня по 5 августа 1871 г. под редакцией Ботева в Бранле выходит 5 номеров газеты «Дума на българските емигранти» («Слово болгарских эмигрантов»), имевшей своим девизом слова: «Истина свята, свобода мила». В связи с крайне бедственным положением и заболеванием от истощения Ботев вынужден был прекратить выпуск «Думы» на 5-м номере.

После прекращения издания «Думы» Ботев скитался больше года в Румынии, изыскивая средства на революционную работу. Зимой 1872—1873 г. он переезжает в Бухарест, где устраивается корректором в типографии Каравелова, одновременно со-

он необдуманно напал с 10 товарищами в проходе Араба-конак. Почта была ограблена, но вскоре Общий и многие из его товарищей были пойманы. Общий на допросе раскрыл всю организацию, вследствие чего последовал арест членов ряда комитетов, а затем в результате предательства — и самого Левского.

⁹ Жак Натан. «Българско възраждане», стр. 409. София. 1947.

трудничая в каравеловской газете «Независимость». В мае 1873 г. Ботев приступает к изданию сатирической и юмористической газеты «Будильник», которая прекращает свой выход на 4-м номере всё из-за той же нехватки средств. Ботев продолжает активно сотрудничать с Каравеловым вплоть до прекращения выхода «Независимости» 12 ноября 1874 года.

После того как Каравелов свернул революционное знамя и перешёл на культурно-просветительские позиции, во главе революционного движения стал Ботев — выразитель интересов мелкобуржуазных, пролетарских и полупролетарских слоёв болгарского народа. Вместо старого Центрального революционного комитета в августе 1874 г. был организован новый — Временный центральный революционный комитет, который начал активную работу по воскрешению старых и созданию новых комитетов по всей Болгарии. Начинается новый период в истории болгарского революционного движения, в котором руководящую роль играют новые, более демократические силы.

8 декабря 1874 г. Ботев выпустил первый номер газеты «Знамя», которая вскоре стала органом новой революционной организации: «Знамя» было лучшей болгарской газетой до освобождения Болгарии по идейным установкам и последовательности, по разнообразию затрагиваемых в ней вопросов, по бойкому стилю и гибкому, почти современному языку. Две конференции революционной партии признали «Знамя» органом партии¹⁰.

Одновременно Ботев развернул активную организационную работу по подготовке восстания в Болгарии. 23 августа 1875 г. он поехал на месяц в Россию для сбора денежных средств среди болгарской эмиграции и закупки оружия.

Неудача Старо-Загорского восстания, преждевременно поднятого Османуловым осеью 1875 г. и сорвавшего план ЦРК, вызвала новое уныние и разногласия среди эмиграции. К этому прибавилась измена старого соратника Раковского и Левского — Панайота Хитова, отказавшегося повести в Болгарию повстанческий отряд для поддержки этого восстания. 30 сентября Ботев вместе с другим членом ЦРК, Ценовичем, уходит из Комитета, снимая с себя ответственность за действия остальной части Комитета, старавшейся оправдать действия Панайота Хитова. После этого распался, в сущности, и сам комитет. Одновременно прекратился и выход газеты «Знамя».

Вскоре, однако, передовые круги революционной эмиграции вновь воспрянули духом и образовали новый, так называемый Джурджевский революционный комитет, возобновивший подготовку восстания. Ботев с радостью воспринимает известие об этом. Он сам организует чету и во главе 200 повстанцев бросается в бой. Перед тем как переправиться на пароходе «Радецкий» через Дунай — 3 мая, — он выпускает

единственный номер газеты «Нова България», в которой пишет: «Болгарское восстание уже вступило в свои права, и борьба началась со всей отчаянностью. Бойня будет страшная и отвратительная, жертвы будут бесчисленные с обеих сторон. Но трепещите, тираны! Сходите с ума, дипломаты! Рвите волосы на себе, великие цари иудейские капитала! Босфорский идол падёт, «больной человек» умрёт, и ваши бесчисленные капиталы утонут в потоках турецкого разврата и священной крови нашей свободы».

В этой борьбе 20 мая 1876 г. и нашёл свою героическую смерть Ботев. Через два года Болгария была свободной.

Уже с самого основания Центрального революционного комитета в декабре 1869 г. в нём боролись два идейных течения и намечались линии тех принципиальных разногласий среди его членов, которые в 1874 г. привели к расколу, а год спустя — и к полному отходу Каравелова от революционного движения. До 1874 г. господствовало первое течение, а с 1874 г., вплоть до восстания 1876 г., второе. Димитр Благоев¹¹ указывает, что каждое из этих течений являлось выразителем определённых классовых прослоек с различным социальным положением: первое — «более зажиточной мелкой буржуазии и революционно настроенной части торгового-промышленного и сельского класса», второе — «разоряющейся и пролетаризирующейся мелкой буржуазии и крестьянских масс». В соответствии с этим были различны и цели, которые ставили перед народной революцией представители этих двух течений.

Для Любена Каравелова общественно-политический идеал, который должна была осуществить народная революция, заключался в демократической республике, основанной на либеральных началах, наподобие швейцарской и американской. Этот идеал, таким образом, не шёл дальше буржуазно-демократической республики.

Гораздо дальше шёл в своих общественно-политических взглядах Христо Ботев.

В своих статьях Ботев затрагивает все основные вопросы, волновавшие его болгарских современников, и в первую очередь вопрос об освобождении Болгарии от турецкого ига.

Значительное место в своих публицистических работах Ботев уделяет разоблачению тех, кто пытается умирить народ и отвлечь его от непосредственной борьбы за своё национальное освобождение различными эволюционистскими теориями и уверяет, будто национального освобождения можно добиться постепенно, без борьбы, через эказархию и просвещение.

Ботев не отрицает известной роли, которую сыграла борьба за церковную независимость для роста национального самосознания болгарского народа. «Церковный вопрос, — пишет он, — объединил широкие на-

¹⁰ Бакалов Г. Вступительная статья к «Избранным произведениям Хр. Ботева» стр. 40. М.-Л. 1930.

¹¹ Благоев Д. «Приносъ къмъ историята на социализма въ България», стр. 30. М. 1944.

родные массы и этим содействовал их национальному самосознанию». Однако он тут же подчёркивает, что «церковный вопрос, вокруг которого мы кружили целых 20 лет, для нас и для болгарского народа стал уже анахронизмом, а экзархия — учреждением, лишёвшим смысл только для тех епархий, которые ещё не сбросили со своих плеч фариотского ига... Экзархия, повторяем мы, нужна только для того, чтобы собрать разбросанные части народа и связать их в одно целое».

Отмечая положительную роль борьбы за церковную независимость, Ботев вместе с тем резко бичует духовенство, препятствующее политическому освобождению болгарского народа. «Одним из главных врагов прогресса и свободы, — пишет он, — были, а может быть, будут ещё в течение долгого времени, духовенство и религия... Религия погибает и уступает место более новому и научному мирозерцанию, духовенство сходит со сцены и уступает место свободе и равенству»¹².

Ненавидевший духовенство, Ботев зло высмеивает все попытки связать национальное освобождение болгарского народа с достижением церковной независимости. В 7-м номере газеты «Знамя» он пишет: «Наши слепорождённые оптимисты хотят уверить нас, будто экзархия является началом нашего освобождения, будто она выведет наш народ из тины рабства и невежества, будто она соберёт под свои общипанные крылья разрозненные части народа и оградит своё стадо от всякой чуждой и вредной для его единства пропаганды и будто она заложит основу его будущего счастья и благоденствия; но мы, которые очень мало верим в камилавку, т. е. не надеемся получить молока от козлов и не питаем особой любви к всемирным паразитам человечества, не можем видеть того, что не существует, и не можем предположить того, что опровергает сама история»¹³.

С не меньшей энергией Ботев обрушивается на эволюционистов, проповедывавших, что можно добиться политического освобождения Болгарии путём постепенного «мирного прогресса», путём распространения среди народа просвещения и знаний.

«Наши школы смогут ответить своему назначению лишь тогда, — указывает Ботев, — когда болгарский народ развяжет свои руки и когда он добьётся политической свободы. Тот, кто связан материально, не может развиваться и нравственно»¹⁴.

Особенно усилились эти выступления Ботева после того, как в ноябре 1874 г. Каравелов отказался от революционной борьбы и перешёл к чисто просветительской деятельности.

Приостановление выхода газеты Каравелова «Независимость» заставило Ботева вновь усиленно заняться публицистической деятельностью и приступить к изданию газеты «Знамя». Вот как он сам объясняет в

первом номере «Знамени» причины появления этой газеты: «После приостановления «Независимости» на горизонте нашей журналистики не осталось почти никакой возможности для высказывания чаяний и страданий нашего народа; не осталось почти никакого средства для поддержки того революционного духа, который охватил уже нашу народную ниву, ожидающую со дня на день своего жнеца. Что надо было делать? Молчать? Но молчание было бы преступлением для каждого человека, любящего себя самого, свой народ и своё отечество. И вот во имя этой любви мы развёртываем своё «Знамя»...»¹⁵.

В конце декабря 1874 г. Каравелов, основавший так называемое «Общество по распространению знаний», опубликовал объявление об издании литературно-научной газеты «Знание»¹⁶, начавшей выходить с 15 января 1875 года. Здесь Каравелов окончательно отрывается от революционной деятельности и переходит на сторону культурников, утверждая, что знание является предтечей всякого прогрессивного движения. «В нашей газете, — заявляет он, — не будут помещаться статьи, имеющие политический характер и нападающие как на частных лиц, так и на какое бы то ни было правительство».

В «Знамени» Ботев развёртывает энергичную кампанию против этого утверждения именитого революционером движению Каравелова. Он пишет: «Общество по распространению полезных знаний учит нас просто и ясно, что до тех пор, пока народ не разовьётся, не обучится и не накопит известного капитала знаний, до тех пор он не заслуживает внимания как народ, или, другими словами, ему не нужна и для него невозможно никакая свобода. Мы на минуту согласимся с дельной, ясной и убедительной проповедью науки и спросим само «Общество», как оно будет распространять среди нашего народа науку и образование, когда для этого у нас существуют совершенно неблагоприятные и противные условия? Возможно ли, чтобы при этом варварском деспотизме, при этих страшных преследованиях, гонениях и притеснениях наш народ мог воспринять что-либо из здоровой и полезной науки и через неё получить какое-нибудь мало-мальское облегчение своего положения? Может ли это произойти прежде, чем будут уничтожены эти условия, и прежде, чем народ добьётся полной политической свободы?»¹⁷.

Ботев подчёркивает, что для обеспечения существования болгарского народа ему необходимо прежде всего освободиться от турецкого ига. При этом он определяет, какую роль в этой борьбе должны сыграть наука, литература и искусство. Здесь отчетливо выступает влияние, которое оказали на Ботева идеи великих русских революционных демократов — Чернышевского, Добролюбова, а также Писаревы и др. Ботев указывает,

¹⁵ Там же. Т. II, стр. 12.

¹² Христо Ботев. Съч. Т. II, стр. 72—73.

¹³ Там же, стр. 38.

¹⁴ Там же. Т. I, стр. 260.

¹⁶ «Знание — вестник за наука и литература».

¹⁷ Христо Ботев. Съч. Т. II, стр. 24—25.

что для освобождения болгарского народа «необходимо, чтобы и наука, и литература, и поэзия, и журналистика, — одним словом, вся духовная деятельность его руководителей приняла характер политической пропаганды, т. е. осуществлялась в соответствии с жизнью, стремлениями и потребностями народа, и чтобы уже не было науки для науки, искусства для искусства, а журналистики для переделывания старого, прогнившего и давно уже выброшенного европейского навоза»¹⁸.

Добиваясь полного национального освобождения болгарского народа, Ботев гневно обрушивается на проповедников так называемого дуализма и половинчатых реформ. «Для нас, — пишет он, — преобразования в Турции, обещания, дуализм — это слова без всякого смысла, призрак и утопия...»¹⁹. Путь к освобождению болгарского народа Ботев видит в радикальном перевороте, в народной революции: «Единственное спасение для нашего народа — в революции»²⁰.

Борьбу за национальное освобождение болгарского народа Ботев неразрывно связывает с борьбой трудящихся против всякого угнетения, против всякой эксплуатации. Он видит две борющиеся между собой общественные силы: с одной стороны, болгарский народ, находящийся под двойным гнетом — турецких феодалов и болгарских чорбаджиев, с другой — его угнетатели.

Ботев гневно обличал не только турецких поработителей, но и болгарских чорбаджиев и духовенство, являвшихся такими же эксплуататорами болгарского народа. Ненависть к ним, писал он, «может быть более глубока, чем ненависть к турку, ибо она древнее». «Кто хочет убедиться в этом, — продолжает Ботев, — тот пусть вникнет в смысл нашего гайдуцкого эпоса, пусть вспомнит шопское, брайльское и дядо Николово восстания; для нас достаточно убедительно отношение чорбаджийства по ту и по эту сторону Дуная к нынешней эмиграции и народу и наоборот. С какими трепетными надеждами, с какой трогательной гордостью отнёсся бедный народ к своим изгнанным сыновьям и какую антипатию выказали по отношению к ним его эксплуататоры — чорбаджи и высшее духовенство! Сколько народных проповедников было предано этими пиявками народа...»²¹.

Таким образом, в борьбе за национальное освобождение Ботев ставит на первое место социальные моменты. Добиваясь национального освобождения, он вместе с тем боролся и за радикальные социальные преобразования. Поэтому он выступал как сторонник народной революции, которая приведёт к освобождению трудящихся от всякого рабства: не только национального, но и экономического и политического. На этой позиции Ботев оставался с начала и до конца своей политической и литературной деятельности.

Характерно, что чем дальше, тем яснее и правильнее Ботев проводит связь между со-

циально-политическим и национальным освобождением болгарского народа. Показателем зрелости социально-политических взглядов Ботева является и его отношение к турецкому народу. Если на первых порах Ботев выступал против турок вообще, то в последний период своей деятельности он уже проводил разницу между турецким трудовым людом и господствующей эксплуататорской верхушкой. В 1871 г. в первом номере «Думы» Ботев писал о турках как о «варварском племени», «не имющем будущего» и «неспособном вступить на путь той нравственно-политической цели, к которой стремится человеческий ум»²². Через четыре года он высказывается о них уже совершенно иначе. «Пусть говорят, что хотя, — пишет он в одном из последних номеров газеты «Знамя» (1875 г.), — но мы думаем, что если турецкий угнетённый и измученный народ откажется от своего фанатизма и, не обращая внимания на религиозные и национальные различия, существующие между ним и нашим народом, пожелает соединиться с нами, чтобы избавиться от общего врага — правительства, мы должны принять его с открытыми объятиями, не обращая внимания на историческую вражду, стремящуюся разъединить нас. Тенерший общественный порядок, который допускает существование султанов и капиталистов, является источником страданий и турок, и болгар, поэтому тот, кто страдает от этого порядка, тот, кто осуждён им, бороться с нуждой и голодом, кто ненавидит своё скотское положение и желает избавиться от него, — тот наш друг, наш брат»²³.

Здесь Ботев ещё раз проявляет большую зрелость в понимании общественных явлений, рассматривая социальные моменты в политической борьбе как первостепенные. В связи с этим следует ещё раз указать на то огромное влияние, которое оказали на него великие русские революционные демократы и социалисты-утописты Чернышевский и Добролюбов, а затем и Герцен. Выше мы видели, как Ботев ещё в школьные годы считывался романом Чернышевского «Что делать?» и сочинениями Добролюбова. Его современники и товарищи в один голос свидетельствуют о том, что Ботев до самого конца своей жизни продолжал с жадностью поглощать произведения этих писателей. «Ботева духовно создала русская литература 60—70-х годов, как оригинальная, особенно публицистическая (Добролюбов, Чернышевский, Писарев), так и переводная»²⁴, — указывает современник Ботева д-р Русель-Судзиловский.

Передовые для своего времени социально-политические взгляды Ботева формировались под непосредственным влиянием русской революционной мысли 60—70-х годов. Мужественная борьба русских революционных демократов с царским самодержавием, революционный дух их произведений вдохновляли Ботева на такую же самоотверженную борьбу с угнетателями и притеснителя-

¹⁸ Христо Ботев. Соч. Т. II, стр. 26.

¹⁹ Там же. Т. I, стр. 224.

²⁰ Там же. Т. II, стр. 27.

²¹ Там же. Т. I, стр. 218—219.

²² Там же. Т. I, стр. 222.

²³ Там же. Т. II, стр. 264.

²⁴ См. Бурмов А. «Христо Ботев през погледа на съвременниците си», стр. 100.

ми болгарского народа. Вместе с тем Ботев в полной мере использовал опыт болгарской национально-освободительной борьбы.

Следует отметить, что на Ботева оказала влияние и утопическая сторона учения русских революционных демократов. Подобно Чернышевскому и Герцену, Ботев в своих публицистических статьях развивал теорию утопического социализма, неправильно оценивая крестьянскую общину.

Рассматривая исторические условия, в которых развивался болгарский народ, Ботев пишет, что славянские народы вообще, и в частности болгарский народ, отличаются специфическим народным характером и бытом. При этом он подчёркивает, что болгарский народ жил изолированно от правительства, находился в стороне от политического развития и, таким образом, сумел сохранить свою «глубокую общественную нравственность» и «глубокую социальную жизнь». «Таким был болгарский народ, — продолжает Ботев, — и таким же чистым от всякого чуждого влияния остаётся он и сегодня, с той же патриархальной жизнью, с той же первобытностью — после стольких страданий... Он проклиная своё прошлое, которое мрачно и которое он ненавидит; своё настоящее, которое тяжело и горько и которое он поэтому легко забудет, и кричит: моё будущее, моё будущее!»²⁵.

Каково же, по Ботеву, это будущее?

«Наш народ, — пишет Ботев, — имеет свой собственный быт, особенный характер, особую физиономию, которые отличают его как народ, — дайте ему развиваться согласно его народным началам, и вы увидите, в каком направлении он разовьёт свою общественную жизнь... Или вы не видите семени, зародыша в его общинах без всякой централизации, в его цехах, мужских, женских и детских?»²⁶.

Таким образом, это будущее Ботев рисует в духе русских социалистов-утопистов, в частности Герцена.

Вообще влияние Герцена на Ботева, особенно в первый период его эмиграции в Румынию, очень велико. Опубликованная в прошлом году в болгарском журнале «Училищен преглед» статья Д. Шелудко о Герцене и исторических и социальных взглядах Ботева²⁷ даёт богатый сравнительный материал, иллюстрирующий это влияние. Сравнивая ряд текстов из произведений Герцена и Ботева, Шелудко показывает, что Ботев не только хорошо знал многие произведения Герцена, публиковавшиеся в «Колоколе» и «Полярной звезде» («С того берега», «Русский народ и социализм», «Старый мир и Россия», «Былое и думы» и др.), но что он переносил из этих работ в свои публицистические статьи как идейное содержание, так и стилистическую форму, приспособляя их к изображению болгарской действительности.

²⁵ Христо Ботев. Соч. Т. I, стр. 224 — 225.

²⁶ Там же, стр. 225.

²⁷ Шелудко Д. «Херцен и исторические и социальные взгляды на Ботев за болгарский народ» («Училищен преглед», кн. 7, сентябрь 1947 г.)

Ботев, подобно русским социалистам-утопистам, думал, что община поможет болгарскому народу перескочить через фазу капитализма и построить социалистический строй. Он не понимал исторической неизбежности в тех условиях процесса развития капитализма и появления класса пролетариата как новой прогрессивной общественной силы.

Выражая интересы мелких производителей, Ботев выступал против строительства железных дорог, которые, по его мнению, давали возможность иностранцам наводнять Болгарию своими дешёвыми товарами и разорять ремёсла и облегчали для турецких порабощателей подавление народных восстаний внутри страны: «Всякое открытие и усовершенствование в науке и индустрии, — пишет Ботев, — если оно не может применяться на практике каждым и приносить одинаковую пользу как богатому, так и бедному, вредно для прогресса свободы, а следовательно, и для счастья человечества... Улучшение земледелия и развитие торговли стгнут землю и её плоды из рук трудящихся и отдадут их в руки капиталистов; а железные дороги ускорят всё это и принесут народу столько же вреда, сколько пользы они принесут своим строителям и покровителям...» «Чтобы сохранить свою землю, свой труд, свой характер и самое своё существование, — заключает Ботев, — мы должны воспротивиться этим убийственным нововведениям»²⁸.

Таким образом, Ботев ясно видел страдания, которые приносит с собой проникновение капитализма, но он не видел, что вместе с капитализмом нарождается новая общественная сила — пролетариат. Ботев является здесь выразителем мелкого производителя, страдающего одновременно и от феодального гнёта и от проникновения новых капиталистических отношений.

Социально-политические взгляды Ботева, несмотря на неправильное понимание им ряда общественных явлений, несмотря на утопический социализм, являются для того периода во многом передовыми и прогрессивными. Вся его деятельность была направлена на борьбу с господствовавшими в Болгарии турецким феодально-крепостническим строем, за политическое и социальное освобождение болгарского народа.

К Ботеву с полным основанием можно отнести следующую характеристику, данную Лениным Чернышевскому, учеником которого в значительной степени являлся Ботев.

«Чернышевский был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину, который не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма. Но Чернышевский был не только социалистом-утопистом.

²⁸ Христо Ботев. Соч. Т. II, стр. 74 — 77.

Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»²⁹.

Указывая на общественно-экономические условия, при которых протекала деятельность Христо Ботева, президент болгарской Академии наук Тодор Павлов пишет: «Разумеется, Ботев не мог, при этих условиях, развиваться вполне и последовательно до конца как научный социалист, как марксист, как диалектический материалист. У него мы находим лишь отдельные элементы, лишь гениальные догадки в этом отношении, свидетельствующие именно о его гениальности. Ботев не смог стать у нас основателем научного социализма, начало которому позже, в 80-е и 90-е годы, после освобождения положил Димитр Благоев. Однако социализм Ботева, хотя и утопический, с отдельными элементами или догадками диалектического материализма, сделал возможным то, что Ботев действительно явился не только передовым представителем нашего возрождения, но и учителем и духовным вождём наших позднейших народнических и марксистско-социалистических поколений. Без влияния Ботева на наши трудящиеся массы и особенно на нашу интеллигенцию, появление и развитие научного социализма у нас встретило бы значительные препятствия»³⁰.

При рассмотрении социально-политических и экономических взглядов Ботева нельзя не отметить влияние Маркса, с теорией которого он был, несомненно, знаком³¹.

«Посмотрите на все цивилизованные страны Европы, — пишет Ботев, — вслушайтесь в вопли и страдания, которые слышны за официальными ширмами человеческого прогресса, обратите серьёзное внимание на отчаянную борьбу между трудом и капиталом, как в Европе, так и в Америке, и вы убедитесь в правоте наших слов и скажете вместе со здравым разумом, что при нынешнем общественном и политическом устройстве человечества бедняк везде раб, а раб везде бедняк»³².

В своём исследовании о Ботеве болгарский академик Михаил Димитров на основании сопоставления ряда цитат устанавливает, что Ботеву была известна идея Маркса о концентрации богатств в капиталистическом обществе и борьбе труда и капитала. Мы уже приводили цитату, в которой Ботев отмечает, что «улучшение земледелия и развитие торговли отнимут землю и её плоды из рук трудящихся и

отдадут их в руки капиталистов». В его статьях можно встретить ряд других аналогичных высказываний.

«Все бедняки рабочие, — пишет Ботев 27 июля 1875 г., — к какой бы национальности они ни принадлежали, где бы они ни жили, являются братьями между собой, братьями по страданиям и по мачехе-судьбе. Угнетённые и ограбленные правительствами и богатыми, рабочие, хотя и трудятся до изнеможения, всё же не в состоянии прокормить себя и живут хуже скота. Но эти их страдания, эта несправедливость по отношению к ним со стороны «помазанников» и капиталистов привели рабочих к соглашению, заставили их объединиться в целях выявления, откуда происходит зло и как от него избавиться... Под влиянием тех же причин зародился и развивается так называемый Интернационал, цель которого состоит в том, чтобы объединить всех обездоленных рабочих в одно разумное и сознательное целое для того, чтобы общими силами избавиться от своих эксплуататоров и мучителей — царей и капиталистов...»³³.

Ботев с восторгом встретил Парижскую коммуны. Во втором номере «Думы» (от 25 июня 1871 г.) он поместил свою, ставшую широко известной статью «Смешной плач», в которой бичует поведение буржуазной журналистики по отношению к восстанию парижского пролетариата и образованию Парижской коммуны. «По беззаветной преданности и страстности, — пишет в примечании к этой статье Михаил Димитров, — защита Парижской коммуны, с которой выступает Ботев, может сравниться с защитой, оказанной ей Марксом. Поэтому «Смешной плач» представляет собой редкое явление в мировой литературе. В нём наш поэт раскрывает своё мировоззрение, и свой темперамент, и всю свою пламенную натуру»³⁴.

Возмущённый травлей и клеветой, с которой европейская, да и болгарская пресса обрушилась на побеждённую Парижскую коммуны, Ботев пишет:

«Проклинайте коммунистов за то, что они разорили вашу столицу и сами погибли с разбойничьими, по-вашему, словами на устах: свобода или смерть, хлеб или свинец! Оплывайте их трупы и трупы тех жертв цивилизации, которых вы обнимали и обнимаете в лице своих жён, своих сестёр, своих матерей и теперь называете бешеными блудницами, потому что они нашли в себе силы взяться за оружие и избавиться от вертепа разврата! Бросайте грязь и камни на могилу Домбровского, потому что он не сделался слугой какой-либо коронованной головы, а стал поборником великой идеи, высокой цели и грудью встал против предателей Франции и виновников стольких человеческих бед... Там видят варварство, туда сыплются укеры и проклятия, где раб, где человек, когда словам его никто не хочет внять и разуму поверить, хватается за крайность и

²⁹ Ленин. Соч. Т. XV, стр. 144. 3-е изд.

³⁰ Тодор Павлов «На литературни и философски теми», стр. 55. София. 1946.

³¹ По этому вопросу интересные данные приводятся у Михаила Димитрова. Христо Ботев «Идеи, личность, творчество», стр. 127—128. София. 1946.

³² Христо Ботев. Съч. Т. II, стр. 74.

³³ Там же, стр. 264.

³⁴ Там же. Т. I, стр. 443.

борется не на жизнь, а на смерть, насколько ему позволяют средства, средства же эти низменные, ибо их мало, а мало их только потому, что их отняли от него хозяева. Тогда человека называют разбойником, развратником, низменным и варваром! Таковы были и коммунисты».

«У христианства были свои мученики, — продолжает Ботев, пользуясь выражениями Герцена³⁵, — пока оно назвало раба «сыном божьим, сыном человеческим»; они были и у революции, чтобы «сделать бродягу гражданином»; они есть и будут у социализма, который «хочет сделать человека больше, чем сыном божьим и гражданином — не идолом, а настоящим человеком, и чтобы от него зависел город, а не он от города». «Христианство, революция и социализм — монархия, конституция и республика, — это факты и эпохи исторические, которые может отрицать лишь ум, не признающий прогресса человечества».

И Ботев заканчивает свою пылкую статью словами, в которых выражена вера в неизбежность революции в Европе:

«Пусть теперь наша журналистика, как и европейская журналистика, удержит свои слёзы до того часа, когда ей придётся оплакивать другие столицы, другие варварства и страдания, когда раб крикнет своему господину: «Кто ты такой, что плачешь? — Мужчина, женщина или гермафродит, зверь или рыба? И наступит день — день первый»³⁶.

Под влиянием Парижской коммуны Ботев основал совместно с Величко Поповым в румынском городе Галаце в конце марта — начале апреля 1871 г. среди болгарских эмигрантов в Румынии коммунистический комитет, а затем и коммунистическое бюро. Христо Ботев, который находился в тесной связи с выдающимися румынскими социалистами и революционерами д-ром Зубку Кодреану, Добруджану Герса, д-ром Руссель-Судзиловским и другими³⁷, являлся душой организации. Первой инициативой болгарских коммунаров, воодушевленных событиями в Париже, была посылка Парижской коммуне телеграммы следующего содержания:

«Галац, 30 марта (12 апреля) 1871 г. Париж. Комитету коммуны.

Братский и сердечный привет от имени болгарской коммуны.

Революционеры-эмигранты: Ботев, Попов»³⁸.

По случаю образования болгарской коммуны в Галаце Ботев написал вдохновен-

³⁵ Поставленные в кавычки слова являются свободной цитатой, без указания источника, из работы Герцена «Старый мир и Россия».

³⁶ Христо Ботев. Съч. Т. I, стр. 226—227.

³⁷ Об этой связи см. статью Василе Христу («Христо Ботев апостол на свободата и на революцията. Делото му на румънска земя»), опубликованную в газете «Работническо дело» от 1 июня 1947 года.

³⁸ Христо Ботев. Съч. Т. II, стр. 364.

ный «Символ веры Болгарской коммуны». В этом замечательном документе говорится:

«Верую в единую и общую, творящую добро, силу всего человеческого рода.

И в единое коммунистическое устройство общества, братским трудом, свободой и равенством спасающее все народы от векового гнёта и страданий.

И в светлый животворящий дух разума, укрепляющий сердца и души всех людей, ратующих за успех и торжество коммунизма через революцию.

И в единое и неделимое отечество всех людей и общее пользование всеми материальными благами.

Исповедую единый светлый коммунизм, излечитель недугов общества.

Жду пробуждения народов и грядущий коммунистический строй во всём мире.

20 апреля 1871 г. Христо Ботев»³⁹.

Однако пропаганда Ботева за организацию коммунистических кружков не нашла сколько-нибудь значительного отклика среди болгарских эмигрантов в Румынии. «Хотя бездомные эмигранты кричали по корчам: «Да здравствует коммуна!» — отмечает Георгий Бакалов, — им было далеко до понимания значения идей коммунизма. Слишком цепкими корнями опутывала их мелкобуржуазная психика, слишком примитивна была их идеология, чтобы взобраться на такую идейную высоту. Ботев оставался одиноким среди болгар»⁴⁰.

«То обстоятельство, — пишет Бакалов, — что Ботев в революционном движении стоял ближе к пролетаризированной эмиграции, определяло как «крайность» его взглядов, включающих в себя социализм, так и неопределённость, расплывчатость его классовых позиций. Ботев был социалистом в преддверии классового оформления пролетариата. В революционном движении третьего сословия он явился идеологом и певцом самого левого крыла, охватывающего пролетаризированные элементы эмиграции. Благодаря этому размах его был шире, он шёл дальше общего революционного движения и своими перспективами открывал его и заражал энтузиазмом. Своим социалистическим знаменем Ботев выводил болгарскую революцию из её узких национальных рамок на широкую историческую дорогу международной классовой борьбы за свержение классового господства»⁴¹.

Однако было бы грубой ошибкой считать, что Ботев вполне усвоил теорию Маркса и что он является марксистом. Как мы видели, он усвоил лишь отдельные положения марксизма. Но даже их Ботев понимал не всегда правильно, да и не мог понимать в отсталых условиях окружающей его жизни.

Известно, что в последние годы своей публицистической деятельности, особенно в период издания газеты «Знамя», Ботев находился под сильным влиянием идей Прудона. Под влиянием Прудона, а также

³⁹ Там же. Т. I, стр. 215.

⁴⁰ Бакалов Г. Указ. соч., стр. 29.

⁴¹ Там же, стр. 4.

Бакунина, Нечаева и других анархистов он выступает не за завоевание власти пролетариатом, а против власти вообще, за уничтожение всяких властей и правительств. «Мы имеем полное право, — пишет Ботев, — сказать вместе с Прудоном, что всякое правительство является заговором против свободы человечества»⁴². Или: «Разумеется, что если бы народы могли раз навсегда понять, где источник их страданий, то они тут же убедились бы в том, что главными их врагами являются сами их правительства и тот класс паразитов, который, чтобы иметь возможность проводить свою праздную и вредную жизнь, стал душой и телом тиранов и под покровительством «законов» проводит принцип лжи и кражи. Основой любого государства является кража, ложь и насилие»⁴³.

Под пролетаризацией Ботев упрощённо понимает обеднение народа, и хотя он за год до смерти уже пишет о том, что пролетариат всегда был и будет двигателем всех революций, пролетариат для него — все бедняки.

Социализм для Ботева — не историческая необходимость и результат развития человеческого общества, а «требование человеческого разума». Ботев не видел истинной причины исторического развития и не был в состоянии научно обосновать историческую необходимость и неизбежность победы социализма.

В силу отсталых экономических условий Болгарии того периода и отсутствия пролетариата, являющегося носителем идей научного социализма, Ботев не мог пойти дальше мелкобуржуазного понимания социализма, т. е. утопического социализма. Он остался выразителем интересов мелкого производителя, страдающего одновременно от иноземного ига и от проникновения новых, капиталистических отношений.

Таким образом, взгляды Ботева в значительной степени представляют собой смесь идей социалистов-утопистов Запада, мелкобуржуазного анархизма Прудона, бакунизма, идей русских революционных демократов. Однако Ботев приходит к восприятию этих взглядов не путём простого заимствования, а своим путём, обусловленным болгарской действительностью его эпохи. Влияние этих мыслителей содействует оформлению его идеологии, которая связана с жизнью и борьбой болгарского народа за своё национальное освобождение и социальное раскрепощение.

Ботев был великим борцом за славянское единство. Из его многочисленных высказываний в газетах «Независимость», «Дума» и «Знамя» видно, что по вопросам славянства он разделял взгляды лучших представителей передовой интеллигенции славянских стран того периода — великих революционеров-демократов — Чернышевского, Добролюбова, Герцена, Светозара Марко-

вича и других. В своих статьях Ботев выступал поборником союза между южными славянами, союза с русским народом. Вместе с тем он решительный противник царизма, панславизма и всех реакционных шовинистических течений в славянских странах.

Ботев с большой любовью и теплотой относился к русскому народу, подчёркивая его кровную связь с болгарским народом. «Где тот русский, — восклицает он, — который поднимет свою десницу на православного славянина, страдающего под турецким рабством в течение пяти столетий?.. Где тот русский, который пожертвовал бы славянскими интересами в угоду габсбургской династии, причинившей до сих пор столько зла России?... Пусть говорит кто что хочет, а мы твёрдо уверены в том, что Россия не может быть нашим врагом...»⁴⁴.

Ботев горячо приветствовал каждый шаг на пути к единству славянских народов. Так, он всецело одобрял стремление поляков сблизиться с русскими демократическими кругами. «Этому факту, — писал Ботев, — радуются все друзья обоих народов, но больше всего должны радоваться западные и южные славяне! Это сближение пойдёт на пользу и нашему народу»⁴⁵.

Питая горячую любовь к русскому народу и лучшим его сынам, у которых он учился, Ботев вместе с тем решительно выступал против русского царизма, считая, что до тех пор, пока у власти стоит русское самодержавие, нельзя говорить об объединении славянских народов. «Да здравствует русский народ и будущая свободная Россия!»⁴⁶ — восклицает он.

Христо Ботев был противником русского официального панславистского течения, преследовавшего захватнические цели. Теорию панславизма он характеризует как «абстрактную идею... с осуществлением которой поглощаются целые народности, отделённые одна от другой своей историей, литературой, нравами, обычаями». Результатом такого механического соединения народностей является «композиция рабства, яда, который принимает почти целое столетие больная Польша».

Совершенно иначе Ботев относится к идее южнославянской конфедерации, «строящейся не на принципах рабства и слияния разных народностей, а, напротив, являющейся гарантией свободного развития составляющих её народов»⁴⁷. В южнославянском единстве, основанном на свободе и независимости отдельных славянских народов, Ботев видит путь избавления южных славян от турецкого и многогнёта и залог их свободного существования и развития. «На Балканском полуострове, — пишет он, — живут два главных племени, в руках которых находятся два конца того гордиева узла, который мы привыкли называть восточным вопросом. Эти племена —

⁴⁴ Там же. Т. I, стр. 245.

⁴⁵ Там же. Т. II, стр. 332.

⁴⁶ Там же. Т. III, стр. 111.

⁴⁷ Там же. Т. I, стр. 237 — 238.

⁴² Христо Ботев. Съч. Т. II, стр. 65.

⁴³ Там же, стр. 64.

болгарский и сербский народы...» Болгария и Сербия, «эти две красавицы, уже давно должны были всплеснуть руками и обняться во имя братства, свободы, равенства и тех демократических начал, на которых основана жизнь и болгарина и серба»⁴⁸. Ботев предупреждает, что если сербы и болгары не придут к соглашению и не устранят причины недоверия и раздоров, то «найдётся какое-нибудь умное государство, которое разделит скорлупу ореха между спорящими и за эту свою услугу само съест ядро». Он подчёркивает, что «от разумного соглашения и соединения обоих братских народов, сербов и болгар, зависит продолжение их истории», и что для такого соглашения уже существуют почти все необходимые условия⁴⁹.

Причины существовавшего разъединения и борьбы между двумя братскими народами Ботев видел в «безумии их политиков — авантюристов», разжигавших великосербский и великоболгарский шовинизм. Будучи пламенным патриотом своей родины, Ботев являлся вместе с тем непримиримым врагом великоболгарского шовинизма. Он энергично выступал и против великосербских шовинистов, полемизируя с сербской шовинистической газетой «Исток» и теоретиком сербского шовинизма Милошем Милоевичем. Он не ждёт союза с сербским народом от сербской правящей верхушки. «Единственные наши надежды на конфедерационный союз с Сербией», пишет Ботев, — мы возлагаем на ту часть сербов, которую, в лице «Рада» и «Будучности» (направление Светозара Марковича. — Л. В.), преследуют белградские великаши (шовинисты), и ей мы вменяем, как первую обязанность перед её народом и человечеством, популяризировать в своём доме идею о соглашении и соединении южных славян, и то, разумеется, на таких началах, на каких должна быть основана свобода народов, свобода личности и свобода труда»⁵⁰. При этом Ботев подчёркивал, что свобода и союз южных славян могут быть осуществлены лишь в том случае, если каждый из этих народов сохранит свои этнографические границы и если каждый из них останется свободным в своём собственном доме.

Таким образом, в отличие от Любена Каравелова, видевшего в южнославянской, или дунайской, федерации средство борьбы за национальное освобождение входивших в неё народов и утверждавшего, что было бы самообманом считать, что эти народы могут что-нибудь сделать друг без друга, т. е. самостоятельно добиться освобождения, Ботев считал, что предпосылкой и условием для федерации должно явиться освобождение каждого из этих народов в результате народного восстания и установления демократических республик. Иными словами, для Ботева предпосылкой и условием создания южнославянской или Балканской федеративной республики должна была явиться народная (не только

национальная, но и социальная) революция, к которой он неустанно и энергично призывал. Ботев был сторонником создания Балканской федерации снизу, в результате глубокого убеждения самих народов в её необходимости. Только так, говорит он, может быть создан «священный и лойяльный южнославянский союз, который был бы в состоянии связать южных славян в единое политическое целое, способное отразить любое насилие или нашествие»⁵¹.

Ботев развёртывал программу объединения балканских народов. После своего освобождения они должны образовать между собой крепкий федеративный союз, в котором верховная политическая и законодательная власть и ведение вопросов, касающихся их общих международных интересов, находились бы в руках совета, составленного из одинакового числа представителей всех независимых частей этого союза. Таково, по мнению Ботева, было то здоровое и рациональное начало, которое должно лечь в основу будущего свободного существования балканских народов⁵².

Так представлял себе Ботев братский союз болгарского народа со всеми балканскими народами и прежде всего с южными славянами, так он боролся за единство с освобождённым от царизма русским народом.

Рассмотренные нами социально-политические взгляды Христо Ботева, характеризующие его как пламенного революционера и организатора народно-освободительной борьбы болгарского народа, великого социалиста-утописта, претречи болгарского коммунистического движения, пламенного патриота и борца за славянское единство, показывают, почему имя Ботева сохраняется до сих пор в сердце каждого болгарского патриота.

Никто из деятелей предосвободительной эпохи не воплотил с такой силой и полнотой чаяния и стремления болгарского народа. Роль Ботева в подготовке освобождения Болгарии от турецкого ига огромна. Правда, Апрельское восстание болгарского народа, вспыхнувшее в год гибели Ботева, закончилось неудачей, но последовавшая после его подавления расправа турецких порабитителей с болгарским народом только усилила в нём волю к освобождению и через год привела к русско-турецкой войне 1877—1878 годов. Эта война наряду с национальным освобождением принесла болгарскому народу и уничтожение гнёта ненавистных турецких феодалов. Освобождённый с помощью русских войск, болгарский народ уничтожил старый, прогнивший турецкий феодальный политический и общественный строй. Народно-демократическая и республиканская тенденция, которую представлял Христо Ботев, не получила, однако, осуществления вследствие антинародной политики крупнокапиталистической и хищнической

⁴⁸ Христо Ботев. Свч. Т. II, стр. 59.

⁴⁹ Там же, стр. 65.

⁵⁰ Там же, стр. 67.

⁵¹ Там же, стр. 35.

⁵² Там же, стр. 19.

клики во главе с кобургской династией, которая после освобождения страны встала во главе общественно-политической и государственной жизни Болгарии. Братоубийственные войны, две национальные катастрофы, разорение народного хозяйства, два десятилетия кровавого ужаса фашизма — таковы плоды полувекового господства этой клики.

В период фашистского господства, как и в дни турецкого рабства, идеи и заветы Ботева вдохновляли лучших сынов болгарского народа на самоотверженную борьбу с тиранами. Дело Ботева было подхвачено всем болгарским народом. В освободительной борьбе болгарского народа против немецких захватчиков и их болгарских агентов образ Ботева являлся знаменем армии сопротивления, его именем была названа нелегальная радиостанция Движения сопротивления, призывавшая болгарский народ к борьбе и сыгравшая важную роль в завоевании свободы, демократии и национальной независимости Болгарии.

Дело Ботева окончательно восторжествовало в результате народного восстания 9 сентября 1944 г. и помощи братского русского народа, второй раз освободившего болгарский народ от иноземного ига. Оте-

чественный фронт, пришедший к власти в Болгарии, неуклонно осуществляет революционные заветы Ботева, последовательно проводя демократизацию страны, укрепляя дружбу с её двукратным освободителем — Советским Союзом, всеми славянскими и другими свободолюбивыми народами.

В статье, написанной по случаю 70-й годовщины со дня героической смерти Ботева, вождь болгарского народа Георгий Димитров писал:

«Последовательный демократ-республиканец, убеждённый, непримиримый враг политического и духовного мракобесия, зловредного шовинизма, страстный поборник вечной дружбы с великим русским народом, союза южных славян и братского сотрудничества балканских и всех других свободолюбивых народов, гениальный поэт борьбы за народную свободу и национальную независимость, Христо Ботев был самым талантливым и самым дальновидным вождём болгарского национально-освободительного движения прошлого века»⁵³.

⁵³ Георги Димитров. Речи, доклады, статьи. Т. III, стр. 292—293. София. 1947.